

Зима. Artiooli

Устанавливать границы между собой и миром нужно тщательно. Их следует обустроить и украшать, выбирать с любовью и оберегать. Ведь протяженность границ не так важна, как их качество. Особенно это касается одежды и обуви — самой первой границы, в пределах которой вам жить.

Человек выходит из машины. Машина стального цвета, она еще не скоро затихает, но она послушна. Хозяин машины ступает по тротуару, асфальт черный, серый, в трещинах, асфальт имеет на себе лужи цвета наступающих сумерек и позднего ноября — неопрятного, откровенно говоря, цвета. На человеке ботинки из кожи питона, из кожи рептилий, из кожи страуса, из кожи акулы, из кожи кенгуру. Они — безупречны. На них есть прострочка, она выполнена вручную, шелковые толстые нити пронизывают кожу ботинок, стягивают ее, украшают крупными стежками. Ботинки подбиты мехом норки, бобра, шиншиллы.

Человек ступает на асфальт перехода, кожа на подъеме ботинок лаково сверкает светло-бежевым, темно-бежевым, кожанно-коричневым, золотистым, слегка сминается, но без трещин, подошва издает тихие щелчки о твердое. Асфальт меняет цвет на светло-серый, сухой, южный, он становится гранитной мостовой, и древние камни ее родом из Италии, где делают муж-

ские ботинки мастера Artiooli, ранее предводимые Северино Артиоли, а сейчас — Вито и Андреа Артиоли. Они делали обувь для Дали, Матростяни, Пикассо, Клуни, Де Ниро, Паваротти. Также они делали ее для Джорджа Буша и Саддама Хусейна, но не вина ботинок, что они хороши.

Мы не знаем, что за человек идет по улице в обуви из новой коллекции Artiooli, плох он или хорош, негодяй или гений. Но асфальт становится на мгновение мостовой, и бордюрный камень приобретает цвет терракоты, из ниоткуда доносится аромат глициний, шелест игл на пиниях и шорох летнего ситца на гибких встречающих девушках, напоминающих Клаудию Кардинале. Человек проходит, и тротуар снова темнеет, вернувшаяся вода леденеет от ужаса перед зимой, сумерки выхватывают улицы из нежных рук иллюзии, уступая лишь всепроникающему свету фар. Все возвращается на свои места, но это не навсегда — возможно, человек скоро пойдет назад. И возможно, это будете вы. ■